глазахъ нѣкоторыхъ изъ лежневскихъ самозванныхъ доброжелателей—мракобѣсовъ, позволяющихъ себѣ отсеки внушать и уговаривать мѣстныхъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ не увлекаться этимъ повшествомъ. Главный трудъ по организаціи чтеній несутъ управляющій фабрикой Н. І. Петровъ, С. И. Рѣшетниковъ и др.

—*ан*—

С. Филипповское (большое), покров. у.

Шелко-ткацкій промыселъ [1]).

Главнымъ занятіемъ мѣстныхъ жителей является шелковое производство. Во главѣ мѣстнаго производства стоятъ четыре болѣе крупныхъ фирмы: К. А. Федотовъ, А. В. Федотовъ, братья Беззаботновы и И. И. Евдокимовъ—имѣющія отъ 200 до 600 становъ каждая. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ собственныя крутильныя, мотовыя и красильныя заведенія. Болѣе мелкіе предприниматели имѣютъ отъ 10 до 75 становъ. Нѣкоторые работаютъ только своей семьей, наемныхъ рабочихъ не имѣютъ. Не обладая достаточнымъ капиталомъ, они не могутъ заводить своихъ крутилегъ, мотовыхъ и красилегъ, отчего производство имъ обходится дороже. Отсюда, крайнее напряженіе собственнаго труда, и эксплуатація труда наемныхъ рабочихъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей не занимаются ткачествомъ, а только подсобными при шелковомъ производствѣ промыслами: „вертятъ карась"—ручная машина, которая крутитъ шелкъ—имѣютъ сороковую машину—для наматыванія шелка, или красильное заведеніе.

Паровая машина въ крупномъ производствѣ нашла себѣ примѣненіе только въ крутильныхъ, мотовыхъ и красильныхъ заведеніяхъ. Паровыхъ самоткацкихъ становъ имѣется только два—у фабриканта Беззаботнова.

Ткачество производится на ручныхъ станкахъ въ небольшихъ фабричкахъ,—свѣтелкахъ, расположенныхъ позади улицы на усадебной землѣ. Въ каждой свѣтелкѣ со множествомъ оконъ (не менѣе 12) помѣщается не менѣе 9 становъ, иногда много больше. Работа начинается съ 6 часовъ утра и кончается въ 9 часовъ, а у фабрикантовъ побѣднѣе—и въ 10 часовъ вечера. Перерывовъ полагается всего 1½—2 часа на 2 чая и обѣдъ. Смѣнъ, конечно, не существуетъ. Нельзя сказать, чтобы работа была легкой. Приходится налегать грудью на станъ и ворочать порядочный грузъ; самой же трудной считается работа высшихъ сортовъ рѣзныхъ товаровъ (бархатъ, плюшъ), такъ какъ при ней приходится грудью налегать сильнѣе, и ударять шибче, (отъ всего этого товаръ вырабатывается гораздо плотнѣе). Какихъ либо приспособленій, облегчающихъ работу, совершенно нѣтъ. По вечерамъ работаютъ съ жестяными семилинейными керосиновыми лампами; вентиляціи или совершенно нѣтъ, или самаго примитивнаго устройства. Отхожія мѣста (для всѣхъ одно), устроенныя внѣ связи съ фабрикой въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, представляютъ изъ себя простыя ямы, загороженныя съ трехъ сторонъ какими то дранчиками съ крышей; они никогда не дезинфекцируются, отчего въ теплую погоду, а особенно во время зимнихъ оттепелей и весной—далеко вокругъ распространяется страшное зловоніе. Ходитъ туда рабочіе большею частью не одѣвшись и студятся. Если прибавить къ этому, что очень часто самыя фабрики холодны или угарны, то получится довольно печальная картина условій жизни въ шелковомъ производствѣ. Какъ эти условія неблагопріятно вліяютъ на здоровье рабочихъ, всего лучше видно по ежегодникамъ на призывахъ. Въ филипповской волости бракованныхъ всегда больше, чѣмъ въ другихъ того же призывного участка. Другой примѣръ. На амбулаторный пріемъ въ ново-александровскій врачебный пунктъ въ истекшій 1902 годъ было сдѣлано до 11,000 посѣщеній, но населеніе волости около 10,000 человѣкъ. Обучать мастерству начинаютъ съ 10—12 лѣтъ. Мальчика или дѣвочку обучаетъ иногда дома родные, чаще отдаютъ мастеру въ ученіе; условія обученія различны, но чаще всего отдаютъ ребенка въ ученье на 1½ года. Въ это время онъ не только успѣетъ выучиться работать, но и работаетъ на мастера нѣкоторое время, какъ бы въ уплату за обученье. Далѣе начинается для него жизнь взрослаго раба. Хотя на фабрику онъ попадаетъ съ 15 лѣтъ, но это еще не значитъ, что подростокъ не работаетъ. Онъ работаетъ отъ хозяина же только на дому, гдѣ условія работы много хуже, чѣмъ на фабрикѣ. Тамъ хоть днемъ то свѣтло, нѣтъ рева, крика маленькихъ ребятъ, нѣтъ извѣстныхъ запаховъ, идущихъ изъ печи, съ полатей, отъ одежды и т. д., специфически неотъемлемыхъ отъ крестьянской избы. Не подчиненная контролю фабричной инспекціи, работа на дому представляетъ крайне вредныя условія для труда какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ рабочихъ.

Плата рабочимъ производится сдѣльно по 20—40 коп. за аршинъ рѣзного товара и по 6—10 коп. за аршинъ гладя. Ткачъ сработаетъ рѣзного товара отъ 2 аршинъ (низшіе сорта) до 14 вершковъ (высшіе сорта); гладя же отъ 4 до 10 аршинъ въ рабочій день. Болѣе легкая работа гладя считается ткачами и болѣе выгодной. Работая гладь, хорошій ткачъ выгонитъ отъ 60 до 75 коп. въ день „на кругъ"; при работѣ же рѣзныхъ товаровъ приходится по 35—50 коп. въ день. Впрочемъ, здѣсь существуетъ масса особенныхъ условій, вліяющихъ на заработокъ рабочаго. На всѣхъ благоустроенныхъ фабрикахъ существуютъ особые рабочіе: навивальщики, проборщики, присучальщики, всѣ они получаютъ, конечно, плату за свою работу. У насъ самъ ткачъ дѣлаетъ всѣ предварительныя работы безплатно. Предварительныя работы состоятъ въ томъ, что ткачъ навиваетъ двѣ основы и ворсу на станъ, пропускаетъ черезъ ремизы и берда и присучаетъ къ старымъ концамъ. На все это („заправить станъ", какъ говорятъ здѣсь) уходитъ 3—4 рабочихъ дня, если станъ старый, и 10—14 рабочихъ дней двоихъ ткачей, если станъ новый; а одному заправить станъ невозможно. Повторяемъ, все это дѣлается безплатно. Часто основа попадается скверная [1]), она путается, рвется. При томъ, плохіе сорта шелка не ровно красятся, очень чувствительны къ помаркамъ и часто краска переѣдаетъ плохой шелкъ. Дается такая основа ткачу. Работать изъ такого шелка чистое мученье. То и дѣло приходится разработывать, чтобы сгладить тотъ или иной бракъ товара, въ большинствѣ случаевъ отъ ткача не зависящій. Хозяинъ, не обращая вниманіе на то, что даетъ негодную основу, требуетъ работы безукоризненной; чуть какой недосмотръ, ткачу грозитъ штрафъ.

Наконецъ, ткачъ кончилъ „срѣзку", вычистилъ и несетъ сдавать въ контору, по дорогѣ поминая царя Давида и всю кротость его. Въ конторѣ его встрѣчаетъ хозяинъ и очень тщательно просматриваетъ работу на прокатномъ станкѣ. Малѣйшій недосмотръ рабочаго влечетъ ругань часто скверными словами, въ случаѣ упущеній болѣе серьезныхъ—налагается штрафъ отъ ½ коп. до 5 коп. на аршинъ. Пословица говоритъ: „что ни городъ—то норовъ, что ни деревня—то поконъ", такъ и у насъ. Каждая контора имѣетъ свои спеціальныя особенности, неотъемлемыя и передаваемыя по наслѣдству. Про одну ужъ была замѣтка въ примѣчаніи, но эта контора, имѣетъ и положительныя стороны: рабочихъ въ ней не задерживаютъ, прогуловъ также не даютъ. А то есть такая: приходитъ въ нее ткачъ сдавать работу, или за основой, на него никто не обращаетъ вниманія. Ткачъ знаетъ хозяйскія повадки и, ничто же сумнися, кладетъ свою работу на подходящее мѣсто, а самъ располагается у печки на своемъ полушубкѣ вехрапнуть или „побаять" съ другими одинаковаго съ нимъ положенія рабочими, пока хозяинъ не вздумаетъ принять работу. Въ третьей конторѣ часто даются прогулы не потому, чтобы ткачъ плохо сработалъ, или чѣмъ-нибудь досадилъ хозяину, а просто по причинѣ безпорядочности хозяевъ: хозяинъ во время не распорядился дать сновальщику сновать основу и она еще не готова. Пока будетъ готова основа, ткачу прогулъ.

Годъ отъ году жизнь рабочихъ становится все труднѣе, заработки меньше. Хозяева жалуются на плохой ходъ товара и сбавляютъ цѣну рабочимъ. Не такъ давно (лѣтъ 10—15 назадъ) за работу лучшихъ сортовъ бархата и плюша тѣ же хозяева платили по 1 руб. за аршинъ, а дневной заработокъ ткача доходилъ до 1 р. 50 коп. Теперь-же высшая цѣна—40—45 к.

Кромѣ становъ, фабриканты имѣютъ еще мотальни и крутильни. Здѣсь работаютъ исключительно женщины и дѣвицы. Работа хотя и не такъ трудна, какъ ткачество, но достаточно утомительна. Постоянно вертятся передъ глазами колеса и веретена, движенія приходится дѣлать по большей части только пальцами: остановить приводъ, связать оборвавшуюся нитку, снова пустить, полное веретено замѣнить новымъ; корпусъ тѣла приходится держать въ нѣсколько согнутомъ положеніи. Заработокъ моталокъ, какъ и ткачей, колеблется между 6—9 рублями въ мѣсяцъ, если нѣтъ вычетовъ. А вычеты и здѣсь нерѣдки: опоздаетъ моталка на 5—10 минутъ къ началу работы, ее ужъ не пускаютъ въ мотовую до обѣда. Такимъ образомъ, она теряетъ ½ рабочаго дня влечъ-штрафъ. Предъ праздниками ихъ раньше отрываютъ отъ работы и заставляютъ мыть полы и въ мотовой, и въ конторѣ, и въ самомъ домѣ и въ другихъ хозяйскихъ жилыхъ помѣщеніяхъ, дѣлается это безплатно. Часть шелка мотать раздаютъ на домъ, и это даетъ возможность эксплуатировать трудъ 7—8 лѣтнихъ дѣтей, преимущественно дѣвочекъ.

Для полноты картины нелишнимъ будетъ привести, что свѣтелки въ большинствѣ случаевъ частновладѣльческія, а хозяинъ снимаетъ и платитъ 50 р. въ годъ арендной платы.

---

1) При составленіи очерка, авторъ имѣлъ въ виду сѣверную часть филипповской волости, часть лухъяницевской и махринской волостей, примыкающія къ филипповской волости. Однимъ словомъ, имѣлъ въ виду сферу вліянія четырехъ крупныхъ фирмъ, названныхъ въ текстѣ. Сказанное въ очеркѣ можно отнести и къ остальной части филипповской волости, съ тою оговоркой, что такошніе фирмы имѣютъ нѣкоторыя специфическія особенности и работаютъ тамъ больше „гладь", рѣзные товары.

1) Плохими сортами шелка отличается одна изъ самыхъ крупныхъ конторъ и мелкіе фабриканты.

Вичугскій фабричный районъ.

Въ кинешемскомъ и юрьевскомъ уѣздѣ очень много раскольниковъ всевозможныхъ сектъ. Ихъ можно замѣтить по внѣшнему виду: большая часть изъ нихъ имѣютъ лицо, изрытое оспой. На мой вопросъ одного начетчика, тоже рябого,—была-ли